

18+

ВАХТА

АНАТОЛИЙ ШИНКИН

Анатолий Шинкин

Вахта. Гастеры

«Издательские решения»

Шинкин А. А.

Вахта. Гастеры / А. А. Шинкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696948-3

Капитализм — это вершина, у подножия которой мы дико вывалились в грязи. Сейчас в цене «золотые руки», соответственно, разница в зарплате и, как следствие, разобщение. Высокооплачиваемый работяга, — это уже не совсем пролетарий, которому нечего терять. Доброму мастеру цена везде высока, и хозяин не скупится на блага и льготы. Одного обласкали, а десятку других объяснили, что за воротами очередь желающих работать. Фотография для обложки и иллюстрации к главам сгенерированы с помощью ИИ.

ISBN 978-5-00-696948-3

© Шинкин А. А.
© Издательские решения

Содержание

Петрович и галтовка	6
Родные люди	12
Семнадцатый не состоится	17
Тяжелый Лешкин будень	22
Алиган	25
Начало рабочей недели	26
Утро вторника	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Вахта Гастеры

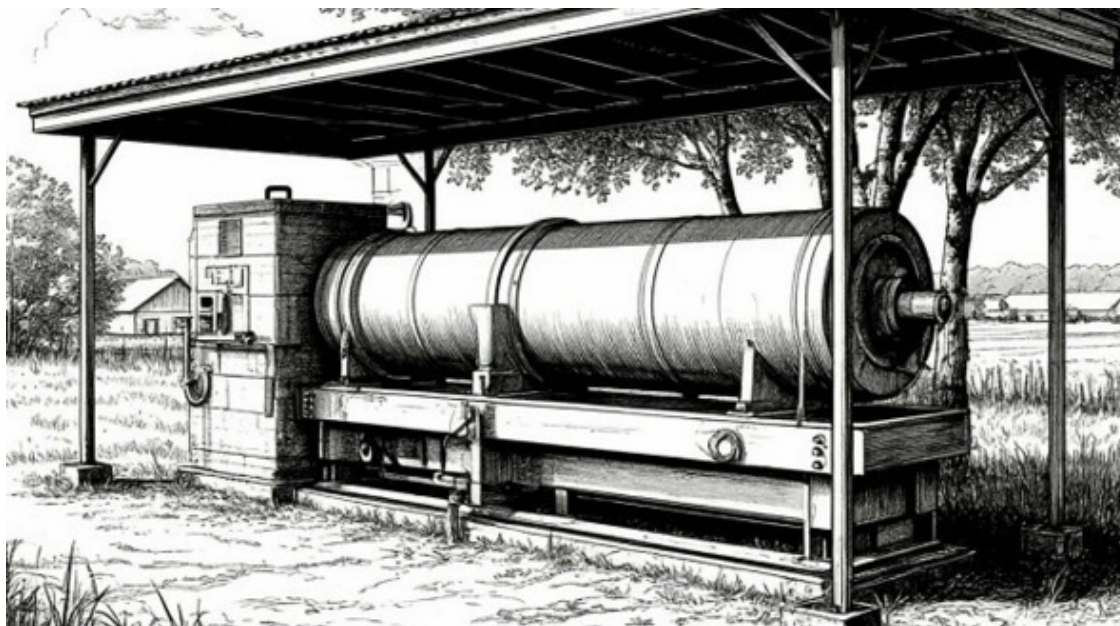
Анатолий Алексеевич Шинкин

© Анатолий Алексеевич Шинкин, 2026

ISBN 978-5-0069-6948-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Петрович и галтовка

Новое умение побуждает к рьяному исполнению

Притормози жизнь... и вспомни имена, и самое-самое, которое никому никогда не открыл

Галтовка – механическая обработка деталей, удаление облоя, заусенцев, снятие ржавчины, окалины; скругление острых кромок, очищение и обезжиривание поверхности, полировка.

Знакомство с галтовкой для Петровича началось с оглушительного грохота перекатывающегося в железной бочке металла. Хмурое ноябрьское утро не располагало к веселью, а тяжелая сумка оттягивала руки. Не отпускало беспокойство, примут ли: не так уж востребованы работяги под пятьдесят, когда и молодежь без работы ошивается. «Пролетариев много, а буржуев пока маловато,» – успокаивая себя, пошутил Петрович. Еще на подходе к «железодельному» заводу, слышал нарастающий шум, но, пройдя ворота и оказавшись на территории предприятия, почувствовал испуг от давящих на мозг децибел.

Под невысоким шиферным навесом, опирающимся на некрашенные столбы из не толстых труб, с жутковатым грохотом вращался вокруг оси полутораметровый железный барабан, внутри которого перекатывались и осыпались металлические, судя по звуку, детали. Сторонясь к дальней обочине, двинулся вдоль стены, высматривая вход.

С удивлением оглядывался на заполняющие двор груды разнообразного металла, в виде слитков, полос, листов, труб; островками маячили массивные в облезлой краске станки. Очевидно, все железное хозяйство свозилось и разгружалось второпях; может быть, с очередного обанкроченного завода. Только-только освободить кузов машины и мчаться за следующей партией металлохлама. Кто смел, тот и съел.

Пятьдесят – трудный возраст: силы идти есть, и ноги перетаптываются в нетерпении, а дороги нет, и идти некуда. Заставила Петровича жизнь искать работу вдали от дома, где перебивался случайными подработками, да нищенскими подачками от отдела занятости. Вспомнив унижительное еженедельное «отмечание на бирже», почувствовал, как стыдом и негодованием обожгло щеки.

Ярко крашенные тетки с просителями не церемонились. Оберегая государственные доходы, вычеркивали из списков получателей крошечного унижающего пособия за малейшее нарушение правил регистрации. Опоздал ли отметиться, продал на рынке десяток помидор со своего огорода или, не дай бог, помог соседу замесить раствор для фундамента. У чиновниц райцентра всюду были глаза, ... и лютая ненависть к обездоленным, наличие которых и позволяло им вольготно попивать кофе в теплом кабинете.

О «шарашке» в областном центре, где «всех берут», Петрович узнал от знакомых, собрал в сумку продуктов на недельку и отправился искать заработка.

Проходя цехом, подивился громадным станкам непонятного назначения, увидел ряд токарных и сверлильных агрегатов. Хотя бы что-то, пусть не близко, но знакомого. Спросил у парня в замызганной мазутом спецовке о хозяине. Работяга указал на крутую металлическую лестницу с перилами:

– Поднимешься и направо. В желтой куртке, Михаил.

Хозяин, тридцатилетний высокий парень, явно семитского типа, смотрел без выражения. Равнодушно спросил:

– На каких станках работал? Гильотину знаешь?

– Железо рубит, – торопливо ответил Петрович. – Так-то я больше на деревообрабатывающих.

– Употребляешь?

– Нет.

– Все так говорите, а потом начинается, – Михаил не стал уточнять, что конкретно «начинается». – Ладно. Давай пока на галтовку. Шестидесят рублей в час. Разместишься в общеаге, подойдешь к мастеру, он покажет.

«Общага» располагалась в том же коридоре: пять комнат по две кровати и холодильник в каждой. Во второй нашлось свободное место. «Жизнь не так страшна, как наши представления о ней», – мысленно пошутил Петрович. Распаковал сумку. Продукты сложил в холодильник на свободную полку, бросил на кровать постельное белье, переоделся в рабочее и отправился искать мастера.

Крепкий коренастый мужчина лет пятидесяти, спросил имя, представился: «Палыч,» – и энергично зашагал в сторону изначально напугавшего Петровича грохота. Нажал кнопку «Выкл.», и заговорил неожиданно громким в наступившей тишине голосом.

– Смотри сюда, Николай. Это галтовочный агрегат. От тебя требуются сухие детали, без ржавчины, окалины и заусенцев. Ключом на тридцать два, откручиваешь гайки, удерживающие запорные скобы. Талью, – указал на свисающий с потолка крюк, – поднимаешь крышку. Выгружаешь отгалтованные заготовки в ящик. Загружаешь новые. Опускаешь крышку, закрепляешь скобами, включаешь аппарат на час-полтора. Потом все повторяется. Работа, тяжелая, но творческая. Требует внимания и осторожности.

– А творчество в чем? – попытался замедлить словопоток Петрович.

– Пока бочка крутится, думать никто не запрещает. Работа тупая, день длинный, народ сюда не ходит, скука смертная, – Палыч засмеялся своей шутке. – Прежде чем опускать крышку, проверь, не забрался ли кто внутрь. На одном предприятии сварщик залез, проварить барабан изнутри, а его там захлопнули и прокрутили вместе с металлом. Представь, что осталось от бедолаги? – Палыч скептически глянул на Петровича и продолжил. – Не все получится сразу, но при некотором старании, надеюсь, освоишь станок. Порядок работы запомнил?

Петрович горячо взялся за дело. Первый день на новой работе, ударить лицом в грязь не хотелось. Споро открутил шесть гаек на трех п-образных скобах-хомутиках, подцепил крюком и, перехватывая цепь подъемника, открыл массивную крышку барабана. Галтовка оказалась наполовину загружена «блинами», заготовками для фланцев. Вспомнив инструктаж, Петрович подпер крышку палкой, чтоб не свалилась на голову, и принялся выгружать заготовки и раскладывать по ящикам.

– Считаешь и мелом пишешь на ящике количество, – неожиданно материализовался за спиной Палыч. Мастер прихватил в ладонь заготовку, провел пальцами по поверхности, тронул углы, проверяя отсутствие зазубрин, пояснил шутливо. – Галтовка напоминает жизнь, которая сталкивает и трет нас друг о друга, и мы становимся спокойнее и терпимее, а некоторые поднимаются до толерантности.

– Глубоко, – только и сумел отреагировать Петрович, пораженный неожиданным философским сравнением.

– Помни об этом, – резюмировал Палыч и отправился в цех.

«Трепач, видно, не из последних, но о деле беспокоится», – сделал для себя вывод Петрович и принялся загружать барабан. Работа оказалось не столь сложной, как предрекал мастер. Мысль об истирающих моментах внутри барабана не давала покоя и требовала немедленной проверки. Подобрал среди мусора пару старых брезентовых рукавиц и забросил с металлом. Барабан сотрясался, выбрасывал струйки пыли из щелей неплотно прилегающей крышки, заставлял подпрыгивать и сдвигаться весь агрегат. Через час не нашел и следа рукавиц. Катящееся и ударяющее друг друга железо истерло жесткий брезент в пыль. «Мощь!» – выдохнул потрясенно.

Пока с грохотом и шумом крутилась первая самостоятельно загруженная партия, отправил с погрузчиком заготовки в токарный цех. Отыскал совковую лопату и метлу, принялся выметать и выгребать из углов годами копившиеся пыль, грязь и прочий мусор. Среди пыли попадались пригодные к работе болты и гайки. Подбирал и складывал в подвернувшееся старенькое ведро: «Глядишь и пригодятся».

К грохоту притерпелся, неторопливая работа сняла тревогу, и пришли по непонятной ассоциации давно оставшиеся в прошлом воспоминания. Советская власть, светлая ей память, приветствовала тягу молодежи к знаниям, и не сумевшие получить достойное образование на дневном отделении института или техникума запросто могли воспользоваться вечерним или заочным.

Петрович, тогда еще «Колька», без проблем поступил в университет на исторический. Как и небезызвестный Онегин, «Он рваться не имел охоты в хронологической пыли»*, но очень

привлекало преобладающее присутствие на факультете девчат, два оплачиваемых двухнедельных отпуска на сессии и перенос очередного непременно на лето.

Проблема жилья разрешилась неожиданным и благоприятным образом: у однокурсника супруга оказалась комендантом малосемейного общежития, и Колька получал на время сессии свободную комнатку с полутораспальной кроватью, столом, туалетом и душем. Все условия для учебы, но душа и тело требовали развлечений и любви. Разнообразия не случилось: первый роман с подгруппницей Любой-Любашей оказался последним, растянулся на все время учебы – шесть лет, двенадцать двухнедельных с перерывами по полгода встреч...

К грохоту галтовки добавился ритмично повторяющийся хлопающий звук, и Петрович немедленно оставил лопату. Присмотрелся к барабану и, охнув, бросился выключать: гайки на хомутиках прослабились, один уже выпал на землю, второй и третий едва удерживали крышку, в образовавшуюся щель выпадали отгалтованные фланцы. Дрожащими руками зацепил крюк подъемника и поднял крышку. Успокаиваясь, начал выгружать детали: «Чему-то да учусь, – посмеялся над собой, – впредь буду контргайки добавлять.»

– Красава, – отметил похвалой вновь подошедший мастер. – Видно птицу по полету. Другой бы и внимания на грязь не обратил. Руками не таскай. Есть погрузчик, водилу Ренатом звать, пусть возит.

Водитель трехтонного кара, невысокий круглый татарин с визгливым голосом, неприязненно возмущался:

– На тебя одного работаю. Подвожу, увожу. Теперь мусор увози. Николай, работай медленнее. У тебя сделка?

– В каком смысле?

– За количество деталей платят или за часы? – Ренат, упираясь животом в руль кара, сладко потянулся и достал сигареты. – Закуривай.

– Хозяин сказал: «Шестьдесят рублей час».

– Значит, часовая, – щелкнул зажигалкой, прикуривая, и засмеялся. – Отняли калым у грузчиков. У них часовая шла за погрузку, плюс галтовка, по полтиннику за деталь.

– Так понимаю, не им решать.

– Точно, – Ренат двинул вниз рычаг скорости и придавил ногой в кроссовке педаль газа. – Давай, брат, удачи.

На очищенной площадке стало заметно, как далеко сдвинулась станина от места первоначальной установки. Редуктор и мотор почти на метр выползли за границу шиферного навеса, а кабель электропитания опасно натянулся. «Буржуйам прибыль нужна, а не техника безопасности», – к месту вспомнил обобщающую максиму Петрович. Вместо железобетонной «подушки» с анкерными болтами, установили на едва выровненную земляную площадку, и станок мог упасть на бок и покатиться на оператора.

Попробовал двинуть агрегат подобранным ломом-монтажкой. Не тут-то было. «А включить и подтолкнуть в нужную сторону?» Все получилось. Станина вздрагивала, тряслась и по сантиметрику, по два за пол часа под непрерывным давлением лома «проехала» нужный метр. «Знай наших», – удовлетворенно отпыхиваясь, выключил станок.

До обеда Петрович успел обработать две загрузки. Накидал в барабан третью партию, затянул и законтрил хомуты на крышке, отцепил и поднял повыше крюк тали. Работающий

агрегат оставлять без присмотра не решился. «Приду и включу, а то, не дай бог, крышка откроется и разнесет все к чертям.» Не торопясь, зашагал к «общаге».

В комнате встретил соседа. Среднего роста плечистый парень неторопливо прихлебывал из нержавеющей миски густой супчик.

– Здорово, – Петрович присмотрелся. – Я тебя знаю. Через две улицы от меня живешь.

– Привет, и я тебя помню, в коммунальном работали. Я Александр, Саня, на фрезерном работаю.

– Здесь и фрезеровка есть?

– Тут есть все!

– А я Николай. Говорят, на заводе полно наших?

– Считай, вся вахта. Увидишь еще.

Подходя к галтовке, Петрович, на ходу прикурил, с удовольствием выдохнул дым, потянулся к черной кнопке «Вкл.» и отдернул руку, мгновенно вспотев. Краем глаза заметил опущенную подъемную цепь тали, и зацепленный к кронштейну крышки крюк. Если бы включил станок, то барабан, наматывая на себя цепь, мог сорваться с подшипников, или затормозиться и сжечь приводной электромотор, или сокрушить шестерни редуктора. Или потянуть за собой кое-как укрепленную балку и обрушить на голову Петровича держащийся на «честном слове» шиферный навес.

«Пролетарии в условиях дикого капитализма кардинально поменяли менталитет», – выдал мозг, освобождаясь от испуга, шутовскую фразу. Петрович осторожно, опасаясь самопроизвольного включения, двинулся к станку, ослабил натяжение цепи, убрал крюк в сторону и начал поднимать на безопасную высоту. Успокаиваясь, пару раз обошел станок, осмотрел и проверил надежность крепления крышки. Включил и через два оборота остановил барабан. Осмотрел еще раз и запустил в рабочем режиме.

Грохот давил на мозг, но Петрович уже придумал, как защититься. Свернул из туалетной бумаги пробки и вставил в уши, звук заметно приглушился, можно работать. Пока вращался барабан, вновь взялся за лопату. Принялся расчищать подъездной путь к галтовке. Железо бросал в кучу металлолома, мусор сгребал в кучки, намереваясь после стаскать в ящик-кагат.

Вернулся к приятным воспоминаниям. И Николай, и Любаша оказались страстными водолюбями: часами отмывали и ласкали друг друга под горячими струями, а в перерывах между «заплывами» добросовестно изучали труды классиков марксизма-ленинизма, сочиняли историко-философские рефераты и курсовые. Дурачась, переводили на украинский шлягер: «На недильку до другого я поиду в Комариво.»

Красивая была пара: Николай, высокий кудрявый, точнее, лохматый блондин, и Любаша, пышноволосяя стройняшка-смуглянка бразильского типа. Девчонки с курса завидовали Любаше, парни сглатывали слюну и хмурились. Любовь без продолжения: в другой жизни были другие любимые...

Погрузчик в большом контейнере подвез очередную партию ржавых заготовок. Рядом с Ренатом поместился длинноносый молодой работяга. Украдкой посматривал, то на барабан, то на крюк под потолком. «Злоумышленник, – без злости определил Петрович. – Если и шутка, то злая. Будем знать шкоду».

– Николай, уже все железо тебе по территории собрали, сбавь напор, – на высокой ноте перекрывая грохот, прокричал Ренат. – Сейчас последний кагат привезем, и шабаш. Кончится работа.

– Кончится эта, начнется другая, – спокойно парировал Петрович. – Вези.

С утра дважды нагружал и выгружал барабан, после обеда еще три. Решил посчитать железо в килограммах. «Если каждый блин по пять кило, а в бочке триста штук, то на круг полторы тонны, в пяти барабанах семь с половиной. Не мало.» Заботливо смел щеткой пыль с барабана и станины, чуть придержал ладонь у пусковой коробки, улыбнулся своим мыслям: «Утром напугала, а к вечеру, как родная... галтовка.»

Получили с Любашей дипломы и разъехались в разные города. Со временем города в разных странах оказались... «Если бы ты был настойчивее...» – прощаясь, сказала она, а он промолчал. Проводил взглядом взлетающий самолет и, прикуривая на ходу, пошагал к стоянке такси. Поэма о последней любви. Яркая и недолгая, ... ушел, ни единой мышцей не дрогнув. Запомни меня молодым и красивым.

– Черт побери! – озадаченно разводил руками Палыч около ящиков с заготовками. – Тебе сегодня еще до девяти работать, а ты токарку уже на неделю обеспечил. Дорабатывай, а завтра пойдешь на сверловку. Точить сверла умеешь?

– Научусь, – уверенно пообещал Петрович.

Родные люди

Станок опасен тем, что не чувствует чужой боли и не останавливается от вопля влетевшего в него работяги

– Открываемся, – Витька бросил карты на стол. – Двадцать одно!
– Аналогично. Свара, – Диман торжественно предъявил шестерку, семерку и восьмерку бубей. – Желающие довариться есть?

Сидящие вокруг стола работяги невольно отшатнулись: банк в три тысячи рублей для благоразумных отцов семейств, привыкших в перерывах «резаться в секу» по рублю за кон, казался запредельным. Диман сдал на двоих.

– Довариваю штуку в темную, – Витька подвинул к банку тысячную и весело оглядел напряженно ожидающие лица. – Вкладывайте деньги в воспоминания. Проиграю или выиграю, но этот день уже не забуду.

– Не забудешь, – Диман подвернул вечно расстегнутые длинные рукава рубахи и сгреб свои карты, ему предстояло оканчивать игру за две тысячи.

Пряча карты в ладони, глянул, поводит горбатым носом-шнобелем по нижней – восьмерка червей. Кончиками пальцев осторожно потащил из середины вторую – черва девятка. По его лицу скользнула невольная улыбка, и работяги задвигались облегченно зашумели.

Перерыв закончился пять минут назад, но нельзя не досмотреть захватывающий поединок, и цех встретил возвращающегося из конторы мастера непривычной тишиной. На производстве тишина в неурочное время – сигнал тревоги, и Александр Сергеевич поспешил по проходу между станками к курилке.

– Витька, Диман. Опять вы?

– Дядь Саш, – Витька работал в цехе с четырнадцати лет, и привычно обращался ко всем старшим с приставкой «дядь», за что и назывался порой «племянником цеха» по аналогии с известным «сыном полка». – Дядь Саш, месячная зарплата на кону. Три минуты, пока я отстою честь сверловщиков и утру нос сварным.

– Открываюсь за две штуки, – Диман показал две червы и джокер. – Чисто, не тянуть рабочее время. – Победно вздернул нос-шнобель, посмотрел на мастера. – Задерживаюсь тут с игровыми фишками, когда план горит синим пламенем.

Пришлось открываться и Витьке. Двумя пальцами небрежно, не поднимая от стола, опрокинул карты – три туза.

– О, чертан! – ребята выдохнули разом, начали подниматься, расходиться по рабочим местам. – Везет, как дураку махорки.

– Не везет, а идет, – Витька спокойно собрал и положил в карман купюры, сгреб ладонью и высыпал следом мелочь. Насмешливо посмотрел на все еще сидящего Димана и объяснил. – По праву избранного. Бог меня отметил. – Откинул волосы со лба, обнажив дорожку из темных родинок, расположившихся в виде неровного креста.

– Трепло, – Диман толкнул рукой карты и вышел из курилки.

Мастер присел на освободившийся стул, задумчиво следя глазами, как Витька прошел к стоящим в ряд сверловочным агрегатам. Протиснувшись между инструментальным ящиком и толстозадным напарником Николаем, мимоходом включил станок, опустил вращающееся сверло на стопку деталей, следом повторил движения на втором. Ткнул кнопку запуска на третьем, начал зенковать – обрабатывать края отверстий на просверленных деталях.

Пять лет назад худенького мелкого застенчивого мальчишку привела в цех мать – заводская кладовщица, при взгляде на которую невольно закрадывалась мысль, что парень не должен был родиться, даже не мог быть зачат: вряд ли в городе нашелся мужик, способный выпить столько водки, чтобы ее захотеть, а окраинные улицы с редкими фонарями были недостаточно темны, чтобы самый озабоченный маньяк принял ее фигуру за женский силуэт.

«Очевидно, непорочное зачатие» – усмехнулся тогда Александр Сергеевич, разглядывая угловатую, худосочную фигуру подростка. Хозяин сказал «пристроить», и пришлось поизобретать-подумать, куда определить недорощенное, недокормленное и недоучившееся создание.

Мальчишка работал старательно: грузил, таскал, возил тележкой заготовки и готовые детали, убирал стружку. Через год встал к станку на самую простую операцию: просверлить и отзенковать четыре отверстия на фланце.

– Витья, ты в курсе, что сверло надо изредка точить?

– А что его точить, если и так сверлит? – станок напряженно заурчал, сверло завязло в детали и сломалось.

– Ну?

– Сейчас, дядь Саш, наточу, – недовольно пряча глаза, пробубнил Витька.

Подкинул Витька-«сверловщик» забот мастеру. Однажды срочно понадобилось просверлить фланец на восемь отверстий. Гордый поручением Витька с энтузиазмом принялся за работу. Через два часа встретил мастера смущенным взглядом, нерешительно протянул готовую деталь:

– Вот, типа...

– Ну, что? Молодец, – Александр Сергеевич принял деталь в руки и уже пошел обратно, да остановился, глянул внимательней, пошевелил губами и начал пальцем отсчитывать отверстия. Не поверил себе, начал пересчитывать снова. – Так не бывает. Девять... Это невозможно. Как ты умудрился?

– Сначала показалось расстояние между дырками большое, я уменьшил, а потом осталось пустое место, и я продырявил.

– Витя, знаешь, чем отличается сверловщик от сверлильщика?

– Типа, я?

– Типа, ты... Сверловщик сверлит отверстия, а сверлильщик делает дырки, железо дырявит почему зря!

– Из зарплаты высчитают?

– Иди к Диману, – вернул фланец. – Пусть заварит твои дырки. Потом вместе просверлим.

Вставить не хотелось. Жаркое лето с улицы заносило в цех расслабляющую истому. Голоса станков, сливаясь в однообразный напряженный гул, ровно давили на мозг, притупляя и успокаивая сознание. Откуда-то вывернулся Диман. Парень тащил за собой четырехметровую переливающуюся побежалостями на металле стружку, и пел, точнее, орал, стараясь перекричать станки, малопонятную песню. «Цирк уехал, клоуны остались!»

– Димка! – сварной, заметив мастера, пригасил пение, скрутил стружку мотком и бросил в ящик. Изобразил руками и лицом невинность, исчез в направлении сварочного поста.

Вот еще чудо. Двадцать пять лет, а все никак не угомонится, шкода. То старую перчатку подпалит и наслаждается, глядя на высматривающих пожар токарей, то в перерыве краны подачи эмульсии пооткрывает. Рабочий включает станок, а в него струя молочно-белой жидкости. Шустрый хлопчик на проделки, и как-то с рук сходит пакостнику. «Однако, пора работать.»

– Витя, оторвись на минуту. Через часик подвезут экскаваторный ковш. Надо будет «ухо» просверлить.

– На «немце?» – Витька вопросительно кивнул на крайний в ряду сверлильный гигант немецкой довоенной постройки.

– На нем. Отверстие большое. Привезут, измеришь и сверло подберешь. Ну и, закрепи покрепче.

– А нельзя было сначала просверлить, а потом приваривать «ухо»? – Витька сделал ударение на последнем слове, он, как всегда быстро, «въехал» в проблему и смотрел на мастера с легкой усмешкой.

– Умничать будешь не здесь, – Александр Сергеевич улыбнулся в ответ. – За тебя уже подумали. Просто возьми и сделай.

– Сделаем. Поставлю минимальную скорость и подачу. Просверлим.

– Вперед и с песней.

Прошли времена, когда приходилось оглядываться на Витьку, что он в очередной раз «напорточил». Теперь ладный девятнадцатилетний паренек свободно управлялся с любыми сверлящими устройствами и разнообразной номенклатурой деталей и изделий. Сам оплачивал учебу в колледже.

– Кстати, – приостановился. – У тебя диплом скоро?

– У-уже... – Витька заулыбался во весь рот. – И с осенним призывом отбываю в десантные войска.

– А с кем я останусь? – Мастер глянул на Витькиного напарника, толстого малоповоротливого парнягу лет двадцати, неуклюже ковыряющегося под станком. – Николай, что там потерял?

– Сверло уронил. Вот. – Николай, пыхтя и отдуваясь, выпрямился и загородил своей фигурой проход.

Александр Сергеевич взял сверло из его рук и поморщился: кромки неровные, углы разные. – Пойдем, горемыка, покажу мастер-класс.

Витька, готовясь сверлить семидесятикилограммовый ковш, двигался неторопливо и осмысленно. Отточил и вставил сверло. Разместил, подогнал центр будущего отверстия. Струбцинами и прихватками закрепил изделие на рабочем столе. Выставил нужные скорость и подачу. Пощелкал кнопками: «Вперед», «Назад», «Стоп».

– Махина, – напарник Николай хлопнул по станине ладонью. – Не боишься на таком чуде работать? Он ведь железный, ему все равно, что крутить: сверло или сверловщика.

– Железу хозяин нужен, – вклинился в разговор подошедший Диман. – А не как вы: то один на станке работает, то другой, а такую дуру сразу не остановишь.

– А я слышал, – Николай запыхтел, стараясь выложить историю, пока не перебили. – У девчонки-токарихи были волосы длинные, а работала без косынки. Так с волосами весь скальп шпиндель стянул.

– Эту историю в любом ПТУ мастера на первом курсе рассказывают, – скривился Диман, – а вот месяц назад в соседней автобазе водила чинил кардан, включилась скорость, и его, как фуфайку на кардан намотало. – Диман победно посмотрел на приятелей и еще повторил «крылатое» сравнение. – Как фуфайку.

– Не болтайте под руку, – Витька регулировал подачу эмульсии на сверло. – Перед этим станком уже прошли толпы Витьков и Николаев, – глянул на сварного. – И прочих празднующихся Диманов, и он сам определяет, кому подарить благосклонность, а кого наказать примерно: башку снести или пинка хватит.

Еще раз осмотрел конструкцию и включил станок. Сверло, толщиной с мужскую руку, не быстро завращалось, коснулось железа и с напряженным урчанием стало погружаться в металл, закручивая толстую широкую стружку.

Витька, понаблюдав за сверлением, отвернулся, поискал глазами и отошел к соседнему станку за кочережкой. Диман хитро подмигнул Николаю и, схватив со стола ворох ветоши, поднес к сверлу. Есть повод повеселиться, пока Витька разматывает со сверла груды обтирочных тряпок. Увы, пакость не удалась. Прежде ветоши стружка захватила край рукава, и сверло, равнодушно вращаясь, стало его наматывать.

Оглянувшийся на крик Витька, увидел упирающегося ногами в станину и орущего Димку. Бросился к станку, но путь закрывала толстая туша напарника.

– Как жить с такой жопой? – проломился, прорвался между Николаем и шкафом. Всей ладонью прижал кнопку «стоп!», но шпиндель продолжал вращаться.

Сверло уже стащило и намотало на себя больше половины рукава рубахи, и Диман с трудом удерживал руку в двух-трех сантиметрах от сверла.

«Такую дуру сразу не остановишь.» «А если попробовать?» – Витька без колебаний ткнул кнопку «Назад». Мощный агрегат, всхрапнул, будто схваченный за узду тяжеловоз, и остановился. Не давая станку раскрутиться в обратную сторону, Витька придавил «стоп». Сверло встало. Диман, всхлипывая «шнобелем», высвободился из рубашки, оставив ее висеть

на сверле. По его руке и плечам тянулись темно-красные полосы обожженной и содранной кожи.

Александр Сергеевич, не успевший добежать до станка пару метров, остановился, выдохнул и улыбнулся: «А ведь на глазах вырос. Считай, как сын.»

Семнадцатый не состоится

Что-то сломалось в жизни, если люди не только после грубого слова, после воровства руки мыть перестали.

Семнадцатый может и задержаться на год-два, но наступит непременно

Полупрозрачная капля машинного масла на серебристой поверхности металла заворачивала, притягивала взгляд, и пожилой, по-мальчишески стройный сверловщик, по цеховому обращению Боря Иваныч, не удержался. Коснулся кончиком мизинца, поднес к губам и слизнул, ощутив едва слышный привкус железа.

До восьми утра – начала смены – оставалось еще несколько минут, и механический цех радовал последними мгновениями тишины, чистоты и неподвижности дремлющих в ожидании напряженной работы станков.

Десяток разноразмерных сверловочных агрегатов Бори Иваныча стояли вдоль колонного ряда заправленные стопками заготовок фланцев в кондукторах, приспособлениях для точной направленной сверловки.

Каждый из станков-агрегатов имел свой характер-норов и свою историю. С мощным трофейным «немцем» и отечественным «Нижегородцем» Боря Иваныч почти сорок лет тому начинал свою рабочую биографию на авиазаводе. Учился сам и учил других, практикантов из заводского ПТУ, радости красивой и точной работы.

– Попробуйте продавить, – протягивал, любовно поглаживая маслянисто взблескивающую металлическим отливом заготовку, мальчишкам. – Ничего не получится. Не под силу человеку ручную совладать с железом; но сталь отточенного сверла мгновенно разрушает девственную пелену, и вы невольно...

– Чувствуете себя Богом, – заканчивал ломким юношеским баском обязательный в группе ПТУшников насмешник.

– Не Богом, но близко к тому, – снисходительно улыбался тогда еще Борис. – Ваш станок – ваше оружие, простое, надежное, как автомат Калашникова. Все переключения, перемещения, срабатывания «по щелчку». И враг будет разбит, и победа будет за нами.

При словах «автомат Калашникова» разгорались глаза пацанов. Начальную военную подготовку проходили все. Разбирали-собирали оружие с закрытыми глазами, а понятия «отко-сить от армии» еще не придумали.

Была страна. Боря Иваныч хлопнул «немца» ладонью по станине. Было же время, когда победы страны воспринимали как личные, не боялись стоять против половины мира, теперь под них же подстелились.

Разорили, обанкротили, разворовали авиазавод, и вороватый хозяин – «средний класс», надежда и опора Российской экономики, выжимает последние силы из Бори Иваныча и ворованного старого оборудования, торопясь «нарубить бабла», пока «прет масть».

Мельком глянув на цеховые часы, Боря Иваныч ткнул кнопку «пуск», прислушался к ровному шелесту электромотора, включил подачу молочно-белой охлаждающей жидкости—эмульсии, быстро и аккуратно опустил сверло на стопку заготовок. Сверло, закручивая спирали стружек, плавно пошло в глубь металла. Боря Иваныч повторил операцию на двух других станках.

Начали работу токари и фрезеровщики, наполнив цех рабочим гулом: какофонией беспорядочных звуков, сопровождающих обработку металлов резанием. Работа на трех станках мало располагает к размышлениям, но создает задорный ритм, будоражащий память и чувства.

Простой работяга Боря Иваныч никогда не отделял себя от страны. Жил ее буднями, радовался праздниками, печалился бедами; отслужив «срочную» вернулся на завод.

Представлял Россию почему-то в образе мощной сивой, с развевающейся рыжей гривой, кобылы, звонко высекающей снопы искр из Кремлевской брусчатки. Гордо и независимо косящей фиолетовым взглядом на кривящуюся опасливо Европу. Плыли красные реки знамен в руках открыто и радостно улыбающихся людей и стекали кумачовым ковром на Красную площадь.

– Цок, цок, цок, цок, – сверло-зенкер, ритмично опускаясь, обработало края отверстий.
– Щелк! – Фланец занял место в стопке изготовленных деталей.

– Иваныч, – голос начальника смены прервал воспоминания. – Отвлекись. Срочная деталька, маленькая, но противная.

– И некому поручить? – «набивая цену», традиционно «поломался» Боря Иваныч.

– Отверстия в трех размерах, выручай, Иваныч. Без тебя никак, – подыграл начальник.

– За час уложусь, – нестандартная деталь. С индивидуальной разметкой. Станки пришлось остановить.

Запрягли Сивку-бурку в воз перестройки, толкнули с горы. Умный бы правитель вскочил на облучок; понукая, направляя умело, притормаживая в опасных местах, провел бы к ровной дороге. А этот, спереди забежал, начал руками размахивать да языком молоть, «сухой закон» придумал, о двух главных Российских бедах забыв начисто.

Когда еще Михаил Евграфович Топтыгина упрекнул: «Тебя злодейства послали совершать. А ты чижику съел». Дальше страна смеялась только, когда другой «реформатор» захотел чиновников на отечественные «Волги» пересадить. Дороги-то лет через пятьсот мы построим,

Александр Сергеевич – «наше все» – лично обещал на каждую станцию по трактиру, а вот с дураками во власти...

Запутал немудрый возница лошадку, и полетела неуправляемая вниз мимо дороги, и опрокинула воз, и разбились горшки; и набросились лихие люди, отхватывая куски, кромсая шкуру едва дышащей животины, не пережеванным алчно заглатывали кровавое мясо.

Боря Иваныч швырнул размеченную деталь на станок, закурил нервно, проверяя глазами правильность разметки; крутанул, зажимая, ворот тисков. Неторопливо пошел в «бытовку». Десять утра – время чая.

Главная тема в бытовке: отсутствие большого заказа и, соответственно, заработка. Пролетарии «на подсосе», перебиваются мелочевкой, а платы за кредиты и ЖКХ никто не отменял.

– Когда смело и широко раздают, и даже навязывают, значит, уверены, что смогут вернуть, – горячился пожилой токарь Петрович. – Коллекторы наедут или судебные приставы, еще не разберешь, что хуже?

– Закона о коллекторах нет, а агентства по вышибанию долгов всюю орудуют, – поддержал массивный молодой фрезеровщик Толян. – Ни один прокурор не возмутился. Стало быть, в доле.

– Политика такая, на крючке народ держать, – Петрович вытащил из бокала набухший чайный пакетик и бросил в мусорное ведро. – Опутали народ кредитами, долгами, штрафами, и, пока не расплатишься, вроде как, нет морального права на протест. На корню подрезают народные волнения.

– А ты не волнуйся, – насмешничал Толян, – целее будешь. Давай, Боря Иваныч, выскажись авторитетно.

– И возражать нечего, – поддержал Боря Иваныч. – Дураков в токаря не берут, а умнее токаря может быть только фрезеровщик. – Бытовка ответила смешками. Петрович недовольно покраснел, а Боря Иваныч спокойно продолжил. – Наша очередь волноваться в семнадцатом году придет.

– Ну?! – агрессивно удивился Петрович.

– Не запряг, – легко парировал Боря Иваныч. – Средний класс еще не все права получил. Им и сейчас на законы плевать, но хочется беспредельничать по закону. Вот и обивают Болотные площади да американские пороги.

– Ну, – уже спокойнее ответил Петрович.

– Гну! На работе под Богом ходим. Парню фаланги отхватило: дали четыре тысячи и выгнали, чтоб глаза увечный не мозолил. Пригрозили, пойдешь, мол, в суд, – ноги обломаем. Проглотили пролетарии плюху и утерлись. Дальше продолжать?... К семнадцатому должны созреть до бунта, если людьми себя почувствуем.

Встал и, на ходу закуривая, отправился на улицу в туалет. На обратном пути остановился посмотреть, как идет монтаж нового корпуса. Кое-как уместившийся на десятиметровой высоте среди балок сварщик проваривал укосину. С земли за работой наблюдал хозяин завода, сорокалетний толстячок семитского типа.

Сварщик закончил шов, попятился к следующему стыку. Вставляя в держак новый электрод, крикнул:

- Если свалюсь, костей не соберу. И что тогда?
- Ничего, – спокойно усмехнулся хозяин. – Дадим твоей жене десять штук за бумагу, мол, свалился пьяный с табуретки на кухне. Как раз и на похороны хватит.
- Не хватит.
- Дадим пятнадцать, – хозяин развернулся и неторопливо зашагал к офису.

Боря Иваныч привычно потирая тылом ладони левую половину груди, вернулся в цех. Боль приходила обычно к вечеру, а сегодня, видимо, переволновался. Быстро высверлил отверстия по разметке и отложил «эксклюзивную» деталь в сторону.

Стопочки фланцев в лужицах и потеках эмульсола отразили в чуть замутненном серебре поверхностей опускающиеся сверла. Рабочий ритм пригасил боль в сердце. Стопочки готовых деталей быстро подрастали на полу.

Боря Иваныч мог бы работать и с закрытыми глазами, легко ориентируясь по слуху, какой станок заканчивает рабочий проход, но, все равно, с удовольствием смотрел на гипнотизирующее вращение сверл, извлекающее из памяти давние теплые воспоминания.

Десятилетними пацанами с соседским Колькой устроили соревнования по матюгам. Повиснув с двух сторон на штaketном заборе, азартно и самозабвенно «обкладывали» друг друга многократно слышанными от взрослых и сверстников словесами.

Вечером мать устроила «головомойку». «Ты сегодня матом ругался, а теперь этими руками будешь хлеб брать?» И отмывала, ополаскивала, и снова намыливала Борьку в цинковом корыте; заставила дважды чистить зубы, и снова погнала мыть руки с мылом. Урок на всю жизнь.

Что-то сломалось в жизни, если люди не только после грубого слова, после воровства руки мыть перестали. Обобрав десятки и сотни людей, несут наворованное домой, кормить и воспитывать своих детишек. Гордо выставляют ворованное напоказ. Не страна, а «ярмарка тщеславия».

После обеда боль усилилась, и Боря Иваныч, переходя от станка к станку, почти не отрывал руку от груди.

– Чего доброго, до всеобщей победы добра над злом не доживешь, – пытался иронизировать Боря Иваныч, но вскоре пришлось сдаться.

Боль накатила волной и поплыла в голову, застилая сознание, а впереди проскакала, вздернулась на дыбы и опрокинулась на спину сивая кобылица с рыжей гривой. В ее грудь, бешено вращаясь, погружались серебряные сверла.

– Надо спасать, – силой воли заставляя двигаться тело, дотянулся Боря Иваныч и выключил два станка. Дотянулся и до третьего, но не последовало спасительного щелчка. Сверло, красно накаляясь, тонуло в сердце Бори Ивановича.

– Эмульсия не поступает, – пробормотал Боря Иваныч и рухнул, рассыпая стопки деталей.

На следующий день хозяева получили долгожданный заказ, и работяги «впряглись» в шестнадцатичасовые смены, старательно догоняя зарплату. Хозяин хотел позвонить вдове и высказать соболезнования, но сначала закрутился-замотался, а потом было уже неудобно.

В день получки Петрович и Толян попросили работяг собрать денег для вдовы, сами положили по тысяче, двое-трое сдали по двести, остальные – по пятьсот.

П. С. Из мира, где человек человеку – друг, товарищ и брат, перебросили в дикий рынок. Выжили не все.

Тяжелый Лешкин будень

«Коптят небо» сами не зная зачем, большинство живущих. «Коптят», потому что мама жизнь подарила. Поставить себе высокую цель и последовательно к ней шагать, целый склад качеств нужен. Лешка не лучше и не хуже всякого другого, не нашлось идеи направляющей и мотивирующей, но она еще может найтись

Начинался рабочий день на маленьком металлургическом предприятии: включались и наполняли цех приглушенными звуками станки, проходили к рабочим местам припоздавшие, мастер Палыч, перекрикивая шум, объяснял слесарям, что весь станочный парк – дерьмо, но нужно работать, а потому в первую очередь починить «вот этот затраханый гроб, ту хреновую дуру, эту задолбанную развалюху, а дальше по обстоятельствам».

Бросил сигарету в лужу разлитой эмульсии и приступил, натужно выдохнув, к погрузке болванок на тележку Лешка, худой, мелкорослый, со спины похожий на мальчишку, работяга. Болванки весили не более пяти килограммов, но брал он их рукой в перчатке брезгливо, осматривал морщась, и швырял с отвращением, а потом обтирал руку о штаны. Считалось, что Лешка эти отвратные железяки не только грузит, но и сортирует, отбраковывая испорченные. Только дураков нет тащить потом отдельно брак на доработку, и все без исключения заготовки Лешка отвозил к станкам: «Им надо, пусть сами бракуют.»

Он работал и размышлял о том, что все не так, что ничего не получается, что ничего не складывается, Что ничего не выходит... Дальше похмельная после вчерашней выпивки мысль не очень продвигалась, повторяя раз за разом, как испорченная пластинка, одну мелодию. Погодя, высветилась в голове новая фраза: «Денег сроду нет, – и закрутилась в такт швыряния болванок. – Денег нет, денег нет...»

А их и правда не было, так как полученную зарплату Лешка сначала «обмывал», а оставшиеся деньги пропивал, поскольку не мог остановиться после обмывки, даже на еду не оставалось. Появлялся на работе дня через три-четыре больной, несчастный и снова впрягался в свою тачку. Что он ел, где жил от получки до получки никто не знал, да и знать не хотели, чтобы не обременять себя чужими заботами. Хозяева Лешку прощали, потому что и работник был неплохой, пока не пил, и желающих таскать тяжелую тележку особенно не находилось.

Лешка злобно осмотрел свою работу и понял, что за размышлениями перегрузил. Потянул за дышло, уперся, навалился всем телом и подвыл, разменивая злость на жалость к себе и обиду на всех, пнул по колесу ногой и отправился за подмогой, оставив тачку в проходе.

В цехе начался большой перекур, токари и фрезеровщики оставили станки и закурили вокруг бочки с песком, а в проход въехал и остановился перед Лешкиной телегой автопогрузчик с ящиком готовых деталей. Водитель погрузчика Вован, грузный сорокалетний мужчина, посигналил, но, сообразив, что никто преграду с прохода отодвигать не собирается, попробовал сдвинуть сам – не тут то было – и заблажил писклявым голосом:

– Какой дурак тут железа навалил? Ни пройти, ни проехать?... – кто «навалил», он и сам знал, но подшучивать над Лешкой давно стало на предприятии традицией, и Вован не упустил случая. Со стороны курилки сразу донеслось басовитое разъяснение:

– Это Лешка – лось здоровый. Сила не мерянная.

Работяги захохотали, а «здоровый лось» Лешка, вернувшийся в сопровождении Сереги, грузчика со склада, впряглись и потянули тележку к дальним станкам.

Шутили над Лешкой все, кому не лень, беззлобно, зная его как парня безобидного и готового посмеяться, а что творилось в его душе никого не интересовало. «Блин! Повеситься, пусть тогда...» Точнее, он сначала подумал: «Блин!», вторая мысль: «Повеситься», а вот третья: «Пусть тогда...» – дальше этих слов так и не оформилась, потому что больше двух мыслей одновременно Лешка не «осилил».

Пока разгружался, похмельная вялость начала отступать. Влегкую привез остатки заготовок, а тут и обед. Есть уже хотелось, но пришлось обойтись чаем: сахар и чай покупались в складчину, и Лешка всегда исправно вносил свою долю с получки, пока последняя еще была в руках. Сладкий чай был гарантирован, и Лешка начал успокаиваться. Покурил на воздухе, в цех вернулся, заготовки потаскал. Сначала руками, потом опять тачкой.

Остановился послушать песню станков. Приткнулся к колонне, закурил, глазами вполприщур на токарей поглядывая, сравнивая звук станка и характер его хозяина. У мощного Сереги, борца греко-римского, шпиндель, бешено вращаясь, подставлял грубо деталь под резец, выл, стонал, ухал, сверля и режа, выплевывал иззубренную толстую стружку; Петр Владимирович, вечно усталый отец двух многодетных семей, ровно, спокойно, привычно, выполнял проход за проходом, небрежно сбрасывал готовые детали, буднично продвигаясь к неизбежному, закономерному, слегка надоевшему финалу.

Лешка перевел глаза на мощного токарного «немца», за которым священнодействовал двухметроворостый красавец Макс, и невольно двинулся вперед. Шевеля губами, Макс пристально вглядывался в кончик резца, нежно трогал и вращал двумя пальцами ручки суппортов; прислонял резец к детали, и теплое железо, теряясь под упорным взглядом, начинало утробно

бормотать, изливаясь волнистой радужного спектра стружкой, раскрывалось, блестя влажно, готовясь к новым прикосновениям.

«До-, ре-, ми-... До-!» – зазвучали в Лешкиной голове и оформились в мелодию ноты из, казалось, навсегда забытого школьного сольфеджио. Завороженно взял в руку и поднес к носу стружку и вздрогнул, внезапно запаниковав:

– У мастера и стружка красивая. А, Леш? – Палыч подкрался, как всегда незаметно.

– Макс, чертан такой. Музыка на станке играет, – сбивчиво начал объяснять Лешка. – Подмосковные вечера. Гад буду.

– Переработал ты, Леша, – Палыч протянул руку и повернул настройку громкости транзисторного приемника на рабочем столе Макса. Музыка зазвучала громче.

Смущенно и тоскливо Лешка перевел глаза на цеховые часы – без трех минут. В душу опустилась ночь: ровно в четыре время для Лешки всегда останавливалось и... «ни хрена не двигалось до пяти,» окончания рабочего дня. В этот паскудный промежуток мастер умудрялся вместить болванки, которые копились в цеху годами, а на склад унести их понадобилось сейчас; и недоубранную стружку, и неометенные проходы. Лешка поплелся в каптерку. Выбрал метлу поновей, вышел и привычно проследил, как выпало из груди и разбилось, разлетелось, раскатилось по бетонному полу его изношенное сердце.

С четырех до пяти Лешка жил без сердца, всех ненавидя и никого не жалея. Он сметал с пола металлическую стружку, обрывки ветоши, окурки и осколки своего разбитого сердца и мечтал о революции и гражданской войне. Атавизмы пролетарского самосознания поднимали в Лешкиной душе волны социального гнева и рабочей беспощадности к эксплуататорскому классу.

«Прометая» мимо сверловщиков, вскинул голову от донесшихся полувоплей-полустонов: друг Петька, протыкая сверлом фланец за фланцем, пел фальшиво, коряво и громко. Три дня назад Палыч пообещал Петьке платить почасовую на десять рублей больше, если Петька не будет «шалаться» в рабочее время по цеху. Петька три дня не отходил от станка, и вот «запел» песню-просьбу к человечеству не вторгаться в интимное пространство изнывающих от похоти голубей: «Это, блин, сама любовь ликует: голубок с голубкою кайфует.»

– Довели человека, сволочи! – сочувственно скрежетнул зубами Лешка. В обычное время к мастеру и, тем более, к хозяину, честному парню и работяге, каких поискать, относился Лешка с большим почтением, но с четырех до пяти точно знал, что не задумается спустить курок, поймав «буржуев» в перекрестье прицела. – Ненавижу! – хотел подумать, но сказал вслух Лешка, и застучало в голове в такт взмахам: «Ненавижу, ненавижу, ... вижу!»

Равномерные взмахи метлы по проходу успокоили и примирили с жизнью. Вскоре совсем разошелся и даже обрадовался, когда в голове оформилось: «А пусть их.» Почти смело зашел в бухгалтерию, и повезло – кассирша одна сидела. Попросил сто рублей аванса – дала.

А в голове только одна мысль: «Не обмывать!». Или это были две мысли – отдельно «не» и отдельно «обмывать». Какая выпадет?

Алиган

Начало рабочей недели

Любовь – это отношения между мужчиной и противоположной стороной

Слово «Титьки» – тэг, может быть даже хейтэг: мгновенно останавливает взгляд и призывает к чтению

Ни в коем случае так не облажался бы Алиган на второй день работы в железоделательной шаражке, не допустил бы «косяка» в изготовлении «косынок», деталюшек из стального листа толщиной шесть миллиметров. Простая операция: из уже готовых пластин нарубить прямоугольники. Пихай в гильотинные ножницы полосу и проверяй изредка размер, плюс-минус миллиметр.

Зачерпнуть из приемного лотка левой рукой в перчатке пяток блестящих маслом деталей; проверить, убеждаясь в правильности, длину и ширину. Если считаешь себя профи, штангелем края зацепи и глянь искоса на шкалу, а, если гастарбайтер приبلудный, от сохи и вечно неисправной сельхозтехники, приложи оставленный мастером образец и успокойся, сиди на попе ровно, руби дальше.

И не психовали бы над душой многочисленные громогласные сварные, не парился бы, не сверкал негодующе лысиной Палыч, плотно круглый, матерый мужик – мастер сварочного участка, чем занять работяг, пока заготовщики наладят аппарат и обеспечат всех желающих заработать; не «наезжал» бы на Михалыча, вечно виноватого, нездорово потеющего лбом под черным ежиком волос мастера заготовительного участка, с требованием быстро решить проблему.

Не брызгал бы в ответ ядовитой слюной, агрессивно отлаиваясь, Михалыч:

– У тебя профи работают, а мне насовали залетных алкашей из окрестных сел. Слетелись криволапые воронье за большой деньгой по объявлению.

Пронес бы мимо во время утреннего обхода крупное высокое тело на длинных ногах хозяин. Не смотрел бы на нескладуху и суету, устроенную вокруг приземистой гильотины и круглого казаха насмешливо, как Хеопс на смотрящих, услужливо-подобострастно избивающих споткнувшегося под тяжестью раба.

Пятидесятилетний, худой от пожизненно подвижной работы рубщик Петрович не округлял бы в совершенном недоумении всегда спокойные глаза над стеклами сдвинутых на кончик носа очков, сравнивая разноразмерные, явно бракованные детали.

– Алиган, так не бывает, – в очередной раз проверял упор, убеждался в надежности закрепления направляющих пластин. Брал в руки кривую железяку и вновь хмыкал в недоумении. – Данунах...

Прекрасно понимаю Петровича. Работать на хорошо отлаженном станке ума не надо, только продвигай полосу по направляющей до упора да педаль нажимай, и детальки будут вылетать ровные, красивые и одинаковые, как братья-близнецы. Ребенок справится, но вот умудрился парень найти возможность и причину на ровном месте грубо накосячить.

Ничего не случилось бы. Сидел бы Алиган перед столом гильотины, проталкивая под удары ножа заготовку, и каждая деталь приносила в его карман один рубль и пятьдесят копеек, если бы не обтянутая крепко летним в оранжево-желтых ромашках платьем четырехразмерная грудь Оксаны Викторовны.

Очень не простая, скажу прямо, живая, бодрая, а не раскатившиеся по полю мягкие, бесформенные, полуспущенные мячики. Для себя называю: «С выражением лица грудь,» – наступательно участвующие в напряженной игре тугие мячи. Животрепещущие, активно реагирующие на внешние раздражители; выражающие чувства, мысли и настроение не юной, а очень даже «в соку» носительницы, румянощечкой, волнистоволосой брюнетки, с блестящими небесно голубыми глазами.

За два года ежедневного созерцания этого чуда природы должна бы примелькаться, но нет. Едва в центральный пролет цеха легкой быстрой походкой впархивала контролер ОТК, глаза работяг автоматически поворачивались навстречу вздрагивающим в такт шагам мячикам и провожали вслед симметрично круглые полушария подвижной задницы.

Женщина сильна внешностью, неухоженную кто бы разглядывал, а вот Оксану Викторовну и природа одарила щедро, и сама за собой присматривала; на мой взгляд, излишне строго: сухая красота не есть хорошо, а профессиональный педантизм и безулыбчивая вездливость в производственных вопросах начисто нивелировали внешние достоинства.

Не было бы цены Оксане Викторовне, прогуливаясь девушка, лучше в мини-бикини, шучу, с приветливой улыбкой по цеху между станков и сварочных постов и ни во что не вмешиваясь, поднимая настроение и не только на недостижимую высоту и повышая общую производительность труда. Увы, рвалась дама активно участвовать в производственном процессе и в каждой нештатной ситуации играть на нотку-другую выше определенных должностной инструкцией обязанностей.

Прекрасно шла работа вчера, в первый для Алигана рабочий день. Петрович, окинув взглядом округлого лет сорока казаха, представленного мастером как будущего напарника, сдвинул очки на кончик носа, глянул поверх оправы более внимательно и спросил:

– Стажер? На гильотинах работал?... А вообще на станках?

– Только водителем, а до того рыбу ловил. Мастер рыбодобычи.

– В морях и океанах? А почему бросил?

– Отрасль накрылась. Визу закрыли, – как по шпаргалке, но с оттенком хвастовства: значительным человеком был, отрапортовал Алиган, – с паспортом проблемы: женат, а теперь развожусь с гражданкой иностранного государства.

– Насколько иностранного?

– Русская из Казахстана.

– А ты казах из России? Весело. Давай, потом доскажешь, – Петрович положил на стол пачку чертежей, один лист отодвинул в сторону. – Вот эти детали мы должны быстро, срочно сделать. Работа трудная, заморочная и стоит копейки. Косынка, – взял отложенный листок. – Стоит хорошо, и делать легко. Предлагаю тебе рубить косынки и зарабатывать денежки для себя и меня, а я постараюсь разделаться с остальным мусором. Согласен?

– Да, – Алиган убедительно округлил и без того равноовальное лицо. – Я хорошо работаю, только покажи, как.

Петрович за десять минут настроил станок, нарубил первые детали, уступил место и хлопнул Алигана по плечу:

– Дерзай, стажер. Вот эталон,.. – усмехнулся утонувшим в веках в тупом недоумении перед непонятым словом раскосым глазам. – Пример, образец! Понял? Время от времени прикладывай к нему детали. Если что, зови меня.

Всякую каверзную, трудную, заковыристую, штучную работу, мастера скидывали на грамотного, умелого, а, главное, ответственного рубщика. Где другой пол дня провозится и не факт, что сделает, Петрович быстро разбирался с чертежами, исправлял «косяки» технологий, высчитывая недостающие размеры и углы. Мгновенно настраивал станок и скоро переключивал чертеж в стопку «выполнено».

«Дьявол кроется в мелкосерийных деталях», – с грустной иронией переиначивал Петрович расхожую максиму. Личное мастерство не давало рубщику хорошо поучаствовать в заказе и отщипнуть толику денежек. Только-только, с напряжением, нервами и сверхурочными удавалось Петровичу приближаться к среднему заработку.

Пусть серийная деталь и стоит меньше индивидуальной, разовой, но в итоге заработок всегда выше за счет настройки, которая для одной детали и для тысячи по времени мало различается. Разница становится ощутимой, когда нарубаешь с одной настройки тысячу деталей и получаешь соответствующую сумму или после часовой отладки, выдаешь три детальки и начинаешь перестраивать на другое изделие.

От объединения профессионала и стажера не только Алиган, сразу получивший денежную работу, но и Петрович выиграл. Мог теперь спокойно возиться со своими «эксклюзивно-срочными» чертежами, а от Алигана требовалось только нажимать педаль. Заработок делился пополам.

Завод получил громадный заказ на изготовление опор для газопроводов. Пришли деньги, которые и следовало освоить в ближайшее наикратчайшее время. Закон рынка: чем быстрее оборачиваются деньги, тем больше прибыль. Львиная доля, процентов семьдесят, сразу падала в хозяйский карман, остальное – на оплату работяг, обслуживание и расходные материалы. Немалая часть доставалась заготовщикам. Косынки требовались десятками тысяч. Сварщики-сборщики в очередь, как свежие баурсаки*, выхватывали детали из-под станка и отправляли в работу.

Полтора десятка постов сверкали дугами в крайнем правом пролете. В центральном, натужно гудели гидравлические прессы и безостановочно долбили гильотинные ножницы. В левом, шаманили клейщики резины и сборщики, готовя изделия для передачи малярам. По проходам сновали, перевозя детали, двухтонные кары. Цех, как четко отлаженный механизм, отрабатывал заказ.

Я, никуда не торопясь, гнул на гибочном «боквину основания», триста «левых» и столько же «правых». Пять рублей штука, к концу дня заработаю три тысячи, а больше и не надо. Если сегодня пожадничая и «сорву» больше, завтра расценку срежут на рубль: хозяин хочет платить мне меньше деньги за больший труд, я хотел бы получать побольше, работая меньше. Как говорится: «Противоречие между трудом и капиталом», – в принципе, я готов примириться с барышами нового русского капитала с семитским оттенком ради возможности заработать, но и себе не враг.

Алиган наливался сознанием своей значимости и нужности производству: рубил без перерыва на чай, опоздал на обед, в промежутках ерзал и терпел, до минимума сокращая количество походов в туалет. Экономя рабочее время, справлял малую нужду за ближним углом и снова мчался к станку.

Не забывающий присмотреть за напарником Петрович кран-балкой подвозил новые полосы, промерял штангелем несколько деталей, шутил:

- Становишься профессионалом, стажер. Кусок хлеба на старость.
- Научился, вот две тысячи уже нарубил, – смущался Алиган.
- Новое умение побуждает к рьяному исполнению. Красава!

Но это было вчера, когда контролер ОТК Оксана Викторовна, ее объемная плавно вздрагивающая грудь, четко очерченная «галочка» над межшаровой ложбинкой и подвижная попа по каким-то своим причинам отсутствовали на работе.

*Баурсаки – казахские пончики

Утро вторника

Катимся к капитализму... нам говорят: В гору

Утро вторника не предвещало косяков и катаклизмов. Поднимающееся солнце пробивалось сквозь закопченные окна и раскладывало между станками ровные яркие квадраты.

Осветило ряды колонн и прислонившийся к крайней свежее покрашенный в желтое ресивер, четырехметровый воздушный баллон для поддержания равномерного давления в цеховой воздушной системе. У его подножия горбились грязно-серым три компрессора, едва огороженные сеткой рабицей. Включались по мере падения давления то по одному, то все вместе.

Хозяин не стремился тратить на новое оборудование и закупал по цене металлолома бывшее в употреблении, украденное с им же и его родственниками обанкроченных государственных предприятий. Старые компрессоры плохо регулировались, частенько «шли в разнос», доводя давление до крайних значений и представляли реальную опасность, но народ пообвыкся, и не обращал внимания.

Умные предприниматели ставят «умные» станки. Потихоньку-полегоньку, везут, пусть китайское и корейское, но современное оборудование, и работяг с азами компьютерной грамотности для них находят. Любители «срубить бабла влегкую», добивают советское наследство, включающие и трофейных «немцев». Наш до умного пока не дорос... или денежек не добрал: никак не выберется из «первоначального накопления капитала».

Благо, есть команда слесарей из Николаича, Иваныча и Вениаминыча, которого чаще именуют Витаминачем. Ребята умеют заставить производительно работать любую «кучу металлохлама», и дарят хозяину чистую прибыль в обмен на так себе зарплату и возможность вести полубогемное существование.

Алиган привычно уселся перед гильотиной, ерзая мягким задом, нащупал оптимальное положение на стульчике. Прихватил из кучи заготовку, включил станок и повернул голову в сторону раздавшегося рядом женского голоса.

Боковина станка загоразживала говорящую. Из-за вертикальной плиты выступала только подтянутая бюстгальтером грудь, которая, подрагивая от негодования, двигалась вверх и вниз, а высокий резкий голос, с явным оттенком неприязни, отчитывал смущенного сварщика.

«Размазал шов!», «неужели так трудно держать катет на полуавтомате?», «перенастрой станок и поправь шаблон!»

Слова проносились мимо сознания. Душа и сердце Алигана, переместились в глаза и с волнением отслеживали движение за зеленой боковиной оранжево-желтой шарообразности.

– Бери болгарку, счищай и переваривай! – Оксана Викторовна резко отвернулась и быстрым шагом двинулась в глубь цеха.

– Вой! – воскликнул Алиган на смеси родного языка с русским и торопливо привстал, надеясь продлить радость созерцания.

На постах вспыхивали и горели ослепляющие дугой огни сварки. Работяги в масках, склонившись над столами, ровно проходили швы. Вроде бы выцелил вожденным взглядом обтянутую ярким ситцем округлость, но тотчас разочарованно сплюнул: шар оказался головой слесаря в цветастой бандане. Еще приподнялся, забрался ногами на стол, и в это время у крайней колонны грохнул взрыв.

Сварные и заготовщики, как по команде, бросились в проходы: узнать, что случилось, и не нужна ли помощь. Алиган свалился мимо стула задом на пол и, не поднимаясь, побежал на четвереньках прятаться за большую гильотину. Перепутал направление, как раз за большой гильотиной и грохнуло, и туда сбегался народ.

Бывают неприятные моменты, когда потом за себя стыдно, но хуже, когда рядом оказываются свидетели твоей трусости. Не повезло: зрителей набралось до десятка, к ним и выскочил собачьей рысью перепуганный рубщик. Смеха и веселья хватило на всех, а стажер мгновенно обрел в народе популярность.

Авария случилась более громкая, чем опасная: сорвало предохранительный клапан на ресивере, и все станки, в названии которых было слово «пневмо (воздушное давление)» разом остановились. Петрович окликнул застывшего в позе удивленного китайца: разведенные руки ладонями вперед, ступни носками внутрь, напарника:

– Твой агрегат работает. Занимайся. У сварных детали заканчиваются.

Алиган вновь уселся на свой стульчик, взял в руки полосу, включил станок, а глаза непроизвольно смотрели на массивную боковину, из-за которой десять минут назад выглядывала возбуждающая чувства красота. Шевелились, причмокивали толстые коричневые губы на круглом лице, и широкий нос втягивал масляно-гаревые запахи, надеясь различить в них волнующий женский аромат.

Слесарная богема, с ранья оторванная от благостного опохмеления, покуривала у ресивера. Иваныч небрежно пнул компрессор и отметил народной присказкой: «Как в Дании: жену поимели, а я в ожидании.» Хохотнули и, стыдливо опустив первый русский вопрос: «Кто виноват?» – вяло, неторопливо, незаинтересованно дискуссировали второй: «Что делать?»

У моего станка воздушное сцепление. Непланированная остановка. Закурил и подошел к слесарям: поздороваться, высказать почтение, помочь, если потребуется, и зарядиться настроением, благо у ребят оно всегда мажорное.

– Общий привет. Иваныч, как жизнь?

– Как у Некрасова: всю ночь поднимается медленно в гору, а утром отлил и опять с ноготок, – ответов в изустно-народно-юморном стиле у Иваныча великое множество. На моей памяти ни разу не повторился. Своеобразный талант.

Петрович, разложив на рабочем столе гидравлической гильотины чертежи, подсчитывал и записывал маркером необходимое количество железа. Сварные вернулись к постам и энергично дорабатывали нарубленные вчера косынки. Алиган, упершись взглядом в станину, раз за разом нажимал педаль. В момент смены полосы от станка доносилась заунывная, однообразная, как казахская степь, нудная песня.

Бытовое бездумное пение – что вижу, о том пою: релакс, удовольствие и созерцание. Чтоб я так жил! Сидеть, смотреть в пустоту и думать. Счастье мудреца. Обстановка накладывает

отпечаток, дает импульс. Бог долго смотрел на пустоту и хаос, прежде чем произнес и принёс миру «Слово». Перед бесконечным пространством начинается связь с вечностью. Тундровые и степные кочевники, днями не слезающие с седла или нарт, в долгой дороге по бесконечной пустоте, подвывы страдающего о женских прелестях рубщика оценили бы на пятерку.

Гармоничная производственная картина: никто не болтается дуриком, все при деле, работают на единый результат, разрушилась через десять минут, когда Ромка-сварной подошел к Алигану и увидел в приемном лотке вместо прямоугольников, определенной длины и ширины, безразмерные треугольники, трапеции, параллелограммы и ромбы.

– Эй, – Ромка потряс круглое плечо, глянул в бессмысленные глаза и обернулся, высматривая Петровича. – Подойди.

– Данунах...! – только и выговорил Петрович и повернулся к Алигану. – Ну ты дерзнул... дерзнул... Черт! И слова нужного не подберешь. Как ты умудрился?

– Глаза разбежались, правда.. – Алиган отвернулся от станка и, всем корпусом подавшись вперед, немо шевелил губами.

По центральному проходу легко и неторопливо двигалась Оксана Викторовна. Непридуманно несла перед собой ритмично вздрагивающую грудь, смотрела прямо вперед и улыбалась внутрь себя непонятно... загадочно.

Петрович, едва взглянув на женщину, подтолкнул ногой глубже под станок испорченные детали, а на место приемного лотка двинул деревянный ящик. Обернулся к Ромке, засмеялся и разъяснил ситуацию:

– Очень уж Оксана Викторовна женщина видная. Коллектив за два года успел переболеть и привыкнуть к ее выдающимся, но неприступным прелестям, а бедолага без подготовки, можно сказать, краешком глаза, мельком заметил самое прекрасное в ней. Своевременное возбуждение указало путь к счастью.

– Любовь нечаянно нагрянет, – Ромка сдержал смех и включил «сочувствие». – Не получилось у парня сохранить холодную голову и наступить на горло чувству. Тебе проблемы нужны: то конкурентов отгоняй, то на цветы деньги ищи?

– Красивая, – рукавом вытерев губы, смущенно пояснил Алиган.

– Попал, – устал сдерживаться и захохотал Ромка. – А некрасивых и нет, есть ненакрашенные. Ты же в Зарубежах плавал и в Америке бывал?

– Не плавал, а ходил. В Канаде рыбу разгружали.

– Америка рядом, – Ромка затоптался на месте, торопясь «отмочить хохму». – Остался бы там: каждая вторая американка с девятым размером. Пришлось ихним мужикам специальную Силиконовую долину сделать, чтоб титьки до размера доводить и губы до вареников наращивать. Слышал про такую?

– Про Силиконовую долину слышал, – неуверенно согласился Алиган.

– Интересно, – поддержал Петрович.

– В шарашках, типа нашей, мужики на прессах титьки из силикона штампуют.

– Сочинитель, – засмеялся Петрович. – Так-таки, из штампа достают и на полет* рядами складывают?

– Ну, может быть, в холодильник, чтоб не растекалось, – не сдался Ромка. – Хотят бабы красивыми быть, а Оксана Викторовна... Сколько самцов два года тому рогами перебодались, и всем – облом. Малоадекватная она.

– Самцы любят кулаки почесать, а за самку, так это еще и достойный повод. Девушек выбираем по красоте, а с мало или много адекватностью потом разбираемся, – Петрович толкнул напарника ладонью в плечо. – Подвинься, станок посмотрю.

– Глаза разбежались, да, – как спасительную мантру, вставая со стульчика, повторил Алиган. – Вчера получилось...

– И сегодня получится, – перебил Петрович. – Разбежавшиеся глаза – это две точки зрения, что провоцирует поиск оптимального варианта.

– Рубщик ведро брака настрогал, а какой-нибудь депутат за краешек сиськи и народ продаст и пол страны в распыл пустит, – отозвался на излете веселья Ромка.

– Перебор, – засмеялся Петрович. – Я за критическое мышление, Рома, но нельзя же критиковать только желчью. Лучше порадуемся, что есть в стране мужики, у которых стоит.

– Ну ты философ, – не замедлил насмешничать Ромка.

– Философами мужики не от хорошей жизни становятся, – пригустив глазами, парировал Петрович.

Присел перед станком, нажал кнопку запуска, вставил полосу, сделал руб, второй. Подобрал готовые детали, измерил. Штангенциркуль беспристрастно показал правильный размер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.